

Виктория Королёва

Грех



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Королёва

Грех

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Королёва В.

Грех / В. Королёва — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2471-4

Не её жизнь, не её имя, не её судьба! Но она вынуждена её прожить, так сложились обстоятельства, над которыми она была не властна. И теперь стоит привыкнуть к новому миру, ибо выбора ей не оставили. Только что будет в той новой жизни? Любовь, стабильность или свобода от навязанных обязательств? Ведь каждая девочка, не имеющая свободы, страстно её желает. И конечно же верит в любовь, которая обязательно случится...Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2471-4

© Королёва В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Мерное пикивание медицинских приборов окружает пространство, заставляя фокусироваться только на этих звуках. Свет бьет в окно, озаряя всё то же пространство. На больничной кровати рядом с окном лежит женщина. Она спит, тихо посапывая, но между с тем отчётливо слышно её тяжелое дыхание. А рядом высокая и красивая девушка двадцати трёх лет.

Светлые длинные волосы с редкими высветленными прядями, каскадом лежат на плечах. За окном лето, самый его разгар. Время, когда хочется пойти на улицу вкусить все прелести данного времени года. Но она сидит тут и с сожалением смотрит на лежащую женщину.

Всего пару минут назад заходила медицинская сестра, чтобы в очередной раз вколоть обезболивающее. Все понимали – это конец, осталось только понять когда именно он наступит.

Лучшая клиника страны ничем не может помочь её родному человеку, совершенно ничем. По телу девушки пробегают непрошенные, но очень настойчивые мурашки.

– Здравствуйте. – Достаточно громко возвестил голос позади.

Девушка обернулась и приложила палец к губам, намекая на тишину. А потом под спокойным взглядом молодого врача встала со своего места и вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь.

– Ну что там? – Ожидая видимо чуда, спросила она.

Врач вздохнул и в этом вздохе уже был чёткий ответ.

– Мне жаль, но возраст и симптоматика... к сожалению единственное что мы можем так это предоставить действенные обезболивающие. Мне очень жаль...

Знала... Она всё знала... но всё равно стало больно. Что-то в груди защемило, завывало и в очередной раз разбилось.

Молча развернулась не дожидаясь продолжения, открыла дверь, зашла во внутрь, так же тихо прикрыла её. Села рядом, взяла в руку всё ещё теплую морщинистую ладонь, слегка сжала её... И в ту же секунду женщина открыла глаза, а девушка улыбнулась нежной и доброй улыбкой.

– Я ждала тебя. – Тихий, словно шелест листьев на ветру голос.

– Я знаю.

Что может чувствовать человек, у которого ничего нет? Правильно, ничего... Пустошь, горечь, разочарование даже в самом малом в крохах, на которые обычно не обращают внимание. Всепоглощающее чувство ничтожности и пустоты!

Эта пустота, она скорее душевная, чем физическая. И иногда ночью я смотрю на луну и думаю о том, что моя мама где-то там, на том краю земли, смотрит на ту же самую луну. И в этот миг я чувствую уединение, тяну к ней ниточки, пытаюсь нас вновь связать. Мне кажется, точнее, я визуализирую свои мысли, и в тот момент мы рядом. И уже не чужая женщина рассказывает мне сказки на ночь, а мама, такая родная, такая любимая, моя мама...

Единственная на всём белом свете. Только её нежные руки гладят меня по голове, когда я плачу. Она даёт мне веру, она преподает простые жизненные истины, которые обязательно пригодятся в дальнейшем. И она несомненно всепоглощающе любит меня.

Но весь ужас в том, что у меня нет возможности почувствовать тепла прикосновения моей матери. Я – никто, я – сирота. Я никому не нужна – ни воспитателям, которым совершенно плевать на своих воспитанников, ни моим мнимым друзьям, таким же обиженным жизнью, как и я сама. Это не сказки, а реальная жизнь! Всё именно так! Без прикрас, без цветных всполохов, без антуража!

Каждый ребёнок в детском доме обделен вниманием, даже если он вплотную общается с воспитателем. Помню, в детстве я думала, что тётя Тамара и есть моя мама. Так глупо, я

плакала тогда, когда её не было рядом, точнее, когда у моей «мамы» был выходной. Скучала, до боли закусывая большой палец левой руки, стараясь не кричать в голос. Там – этого не любят и жёстко пресекают, как свои, так и воспитатели. Да и в принципе, плакс никто никогда не любил. Каждый переживал свою боль в одиночестве.

А они все спешили домой...

К своим родным деткам, забывали нас, именно тогда, когда зализывали раны своих детей. Да, я завидую, а почему бы и нет?! У меня этого никогда не было! Я никогда не видела, чтобы ко мне относились с любовью, с материнской теплотой. Да, есть и хорошие люди, но это всего лишь чувство долга, они должны нам показывать свою расположенность. Работа! Просто работа, за которую платят!

Немного повзрослев, я поумнела! Тайное желание чтобы мама пришла, пропало, я стала мыслить адекватно в соответствии со сложившейся ситуацией. Осознала – матери я не нужна иначе бы она пришла! Многократно наблюдая за тем, как кто-то из нас выходит с «новыми родителями» я была готова задушить претендента! И в тайне надеялась, что его выкинут! Зависть сжигала мозг. Но это я поняла не сразу! Мы очень жестоко мстили «везунчиками» били и унижали всеми возможными способами, приговаривая, что его там оближут, ничего страшного не случится. Детская – ярость, самое ужасное чувство. Именно ярость... не злость.

А как по-другому? Мы не знали и я не знала! Нельзя быть тихой и миролюбивой среди волков иначе они начинают жрать тебя! А мне это надо было? Нет! Я не была задирой, но и умела примкнуть к тем за чьими спинами проще. Обычный середнячек, сама не лезу и другим не дам. Хотя, что тут скрывать было разное и со мной. И с синяками ходила и губу зашивали один раз и головой туда, куда не надо... тоже было. Но я карабкалась по скользкому склону, вверх видя красивый зелёный луг. Срывалась, шипела и вновь поднималась! Тут никак иначе.

Столько раз представляла себе, что меня возьмут в семью, где будут любить. Мама каждое утро будет готовить мне завтрак, папа играть в футбол. Да я ненавижу футбол, но была готова полюбить его всей душой. А если вдруг у них родятся дети, я буду их нянчить и любить как своих родных.

Это тоска по тому, что ты еще не почувствовал. С одной стороны это явление не понятно: как можно тосковать по тому, что никогда не испытывал? Оказывается можно, я тому доказательство.

Были и отдушины в моей жизни. Не смотря на то как со мной поступила та женщина, которая произвела на свет, я любила детей. До безумия! Как их можно не любить? Такие крошки, совершенно беспомощные! Маленькие ручки, пухленькие щёчки и сияющие глаза...

Корпус для малюток, которых бросили родители, находится рядом с нашим. И я практически каждый день хожу туда для того, чтобы поиграть с кем-нибудь. Попытаться подарить тепло, объять необъятное! Но разве можно дарить тепло, если сама этого тепла не ощущаешь? Можно. Да ещё как можно. Иногда беря на руки кого-нибудь, я и сама преображалась.

Все искреннее настолько, что сама начинаешь верить в чудо. Они радуются, улыбаются, смеются. В такие моменты мне становится хорошо – это не чувство долга, это не моя обязанность, но я всё равно каждый божий день иду туда и делаю то, что делаю. Мальчики, девочки, капризные и не очень, всё не важно, важно то, что я пытаюсь сделать!

Нельзя заменить мать... но можно обнять, погладить по спинке, поцеловать в щёчку, поносить на руках. Ведь это просто. Можно и сложнее задачи, но это как повезёт, если нянечка разрешит. У меня разрывается сердце, когда маленькие руки тянутся ко мне, а я не мог их взять. Взяла бы всех... но у меня всего лишь две руки.

Смотришь и думаешь: «Кем он или она станет?». Может быть великим учёным, может актрисой, а возможно просто продавцом в какой-нибудь хибаре. Жизнь в детском доме совсем не малина, оттуда выходят как из тюрьмы. Да, нас кормят, одевают, учат... Но когда закрывается дверь, когда рядом никого нет из воспитателей, вот тогда начиналась иная жизнь. Гряз-

ная, пошлая, вычурная и развязная. Некоторые умудрялись устраивать оргии! Да-да! Так что о сексе я знала всё... правда пока только в теории. На практике... ну вспомним тот момент, что у меня всё же были те несколько подруг и пара хороших друзей. Меня никто не принуждал и, слава богу. Я чуралась этой стороны жизни как огня. Все эти подробности и рассказы, а иногда и парные обсуждения друг друга даже во время. Да меня просто выворачивало.

Вы скажите, такого не может быть. Что я вам отвечу... вы ничего не знаете и не нужно додумывать и опровергать факты! Потому что я варюсь в этом котле с самого рождения с первого сказанного слова.

Нет двадцатичетырёхчасового присмотра, в большинстве случаев мы были предоставлены сами себе. Помимо разборок, устраивались мелкие пакости проходим под окнами детского дома, дебоши в корпусе мы учиняли, когда были совсем маленькими, сейчас наученные наказаниями за них, были предусмотрительнее.

Я также не хочу сказать, что нами не занимались. Занимались и ещё как! Учили, заставляли ходить на всякие занятия помимо учёбы, вывозили на соревнования, в другие города на экскурсии и тому подобное. Очень часто из-под палки, но это всё же было. Хорошее было, но как-то слишком на контрасте. Мне всегда казалось, что жизнь должна быть немного иной. Более радужно, красочной, наполненной теплотой, бездельем за компьютером с хорошим телефоном в кармане, карманными деньгами, отдельной комнатой, минутами когда ты можешь с кем-то поделиться не бояться быть не понятой или униженной и ещё... в моём восприятии хорошей жизни без всяких агрессий как извне, так и от себя так же. Мне никогда не нравилось отыгрываться на слабых, после ярости наступала тьма и даже больше, брезгливость к себе.

Мы как свора маленьких злых собачек, готовы перегрызть друг другу горло при первой возможности, но если появляется кто-то другой, то кидаемся все и разом! Для того чтобы выжить, а называется это именно так. Нужны несколько хороших авторитетных друзей, а лучше подруг. У меня такие были, но настоящая подруга была только одна. Со всеми остальными я старалась поддерживать хорошие отношения, всё-таки жизнь как на вулкане.

Она одна из немногих, кто меня понимает. И я благодарна ей за это. Виолетта – прекрасная девушка, не только внутренне, но и внешне. Необычные зелёные глаза и рыжие волосы. Она – воплощение красоты. Разве можно отказаться от такого дивного создания? Оказывается, можно, легко и просто! Её бросили, так же как и меня. Мама Виолетты умерла при родах, а отец, женившись через несколько лет, просто отказался от девочки! Однажды он приходил сюда, но Виолетта даже не вышла к нему, а я потом целую ночь проплакала в подушку. Она слишком гордая... Я бы побежала! Но и её можно понять. Можно простить всё что угодно, кроме предательства близких! Я знаю это не понаслышке. В глубине души, я уже простила и отпустила. Мысленно точно давно отпустила.

Будучи маленькой, мне снился один и тоже сон. Моя мама – с голубыми, как у меня, глазами и светлыми волосами, стоит и ждёт меня у директора детского дома в кабинете. А я бегу по коридору, совершенно не замечая ошалевших глаз воспитанников, никто из воспитателей не останавливает меня. Я бегу, а на моём лице улыбка и на мне платье! Чистое, искрящееся с нежными светло-фиолетовыми лентами в виде декора на белом атласе, пышное как у принцессы платье. И не важно что мимо проходят в будничной одежде, всё не важно, ведь бегу я к маме! Словно смерч врываюсь в кабинет директора и бросаюсь в радушно раскинутые объятия. Она меня обнимает и от неё пахнет приятными духами, а по лицу мамы бегут слёзы.

Мечты уходят так же быстро, как и детство, со временем я смирилась с тем, что моя мама никогда не войдёт в детский дом, никогда не обнимет меня, никогда не скажет, что всё хорошо, и что всё то, что было, всего лишь сон. Сон если вспомнить о нём преследовал меня всё моё детство и сейчас если вдруг я вижу его вновь просыпаюсь в слезах. И тут же закусываю до скрежета край одеяла, чтобы никто не услышал тихие всхлипы боли.

Скоро мне исполнится семнадцать, и определиться в этом мире без поддержки родителей будет сложно. Я ничего не знаю, ничего не умею, и мне страшно окунуться в этот безжалостный мир, что находится за стенами детского дома. По закону, после моего совершеннолетия наше государство должно предоставить мне жильё. Но вот какое оно будет? Как я буду жить дальше, что буду есть что пить, кем стану? Эти вопросы витают в моей голове не первый год. Иногда я испытываю панический страх перед неизвестностью.

Наверное, мне было бы легче, если я бы обладала недюжинной красотой, талантом, рвением. Но, увы, по моему собственному мнению, я не обладаю ни единым из перечисленных преимуществ. Я знаю, в этом мире выживет сильнейший. Воспитала в себе чувство достоинства. Никогда не смогу простить обиду, никогда не смогу простить свою мать... Потому что смертельная обида за детские слёзы застыла как ком в горле, и при каждом вдохе отражается болезненной волной по всему телу.

Мало того, что я обязана жить в доме «отчуждённых», я обязана быть им благодарна. Благодарна тому, что государство оплачивает моё проживание здесь и я не скитаюсь где-нибудь по подворотням. Хотя... отчасти это так и было.

Меня принесли под двери детского дома ранним морозным утром. Единственное, что я знаю, это то, что одна из воспитательниц пыталась поговорить с убежавшей женщиной, но ничего не вышло. Средневековье... только тогда подкладывали детей. А сейчас двадцать первый век! Чем я помешала им? Почему они отказались от меня? Когда больно я думаю о том, что лучше бы она оставила меня мёрзнуть на морозе. Не думаю, что в этой жизни мне уготована великая роль. Но боль проходит и трезвость ума заставляет думать иначе. Всё-таки я живу и солнце улыбается, если ни каждый день, то достаточно часто.

В том месте, где я живу, есть одно правило, оно схоже с тюремным. И это правило гласит: «Не верь, не бойся, не проси». Страшно ли мне жить среди таких же обиженных, как и я, страшно ли терпеть агрессивные выпады? Нет, не страшно! Потому, что я сама такая же!

Я не красавица, но и назвать себя мышкой тоже не берусь, возможно, потому, что слишком себя люблю. Если себя не буду любить... то кто полюбит? Здесь каждый за себя... Этому я научилась здесь, потому что другой школы выживания у меня не было. Я научилась не бояться явной агрессии, но и в конфликты тоже не вступать, научилась себя любить и люто ненавидеть своих обидчиков. И всё-таки мне есть с чем сравнить.

Мы зовём их «домашние». «Домашние» – это те, кто каждый вечер засыпает под теплым одеялом, те, кому все дороги открыты, те, у кого есть главное – есть родители. Это постоянная война, мы ненавидим их, ненавидим потому, что сами страстно желаем оказаться на их месте. Каждый мечтает о тёплой кружке молока перед кроватью и о добрых и любящих глазах матери. Она радуется твоим мимолётным победам, а ты стараешься побеждать во всём, только ради того, чтобы тебя похвалили, чтобы самые родные знали, что их труд не прошёл напрасно. И я бы старалась! Честно! Только вот вопрос «А они стараются?»... не знаю. Но могу сказать одно, сложно прочувствовать что-то не зная какого оно там на другом берегу!

Однажды, идя по улице, я увидела, как мама одного малыша жалеет его за царапину. Малыш плачет, и всё время трёт ушибленную коленку, злится, кричит. В том момент я подумала, что всё это блажь! Я каждый день набивала себе синяки, и никто даже руки мне не подал, чтобы помочь подняться с колен. Я всё сама, если ни я, то никто!

Русые волосы, голубые, как вода глаза и худое тельце – всё, чем я могу похвастаться. У меня нет шикарной груди, и парни не выются за мной, а считают никчёмным мусором. У меня нет красивой одежды, только оттого, что её ни у кого нет! Конечно, есть несколько девушек, которые обладают красотой, и парни из «домашних» дарят им подарки, но какой ценой? Я не знаю, как будет протекать моя жизнь дальше, надеюсь, что всё будет хорошо. Чёрная полоса уже была, значит, скоро будет белая... Нужно верить в лучшее, по другому жить невозможно.

Конечно же, мне нравятся красивые парни. Я испытываю трепет, когда кто-нибудь начинает со мной разговаривать. Примечательно «домашние», потому что каждого парня из «наших», я знаю! Я застенчива, возможно, потому, что не считаю себя эталоном красоты. Пообщавшись со мной, парни определяют меня в ранг «свой парень» и напрочь забывают, что перед ними девушка. Это особенно обидно, собственно в те моменты когда какой-нибудь такой парень тебе приглянулся.

Помню одного мальчишку. Бойкий и улыбчивый, он не долго задержался в наших стенах. Усыновили, конечно же, что же ещё! Артёма, я видела пару раз, он счастлив, а я рада за него, хотя в глубине души завидую ему не меньше, чем «домашним». Каждый из нас мечтал о том, что в один прекрасный день откроется дверь, и в комнату войдёт воспитатель с призывным кличем «Вставай! За тобой пришли!»

Убийственно!

Время идёт, всё меняется. Теперь я не грежу насчёт того, что буду жить в собственном доме. У меня другая задача – задача максимум! Задача – добиться чего-то в этой жизни! И я непременно это сделаю!

Сама!

Ещё не знаю как, но сделаю, повторюсь, выбора у меня нет.

– Настя! – сквозь сон слышу призывный клич Юльки.

Кто-то тормозит меня за плечо, а объятия Морфея всё ещё не выпускают... Хочу спать!

– Ммм...

– Ты что валяешься? Вообще одурела?! – Юлия весьма недружественно толкает меня в плечо так, что я чуть было, не слетаю с кровати. – Вставай, идиотка! Там пришли!

Ударяюсь об изголовье кровати кистью руки и начинаю шипеть от боли. Резко сажусь на кровать не переставая потирать ушибленное место.

– Кто?

Юля приближается ко мне практически вплотную, буквально нависая надо мной сидящей и ехидно шепчет:

– Что же ты за тупица! Удочерить тебя, ущербная, решили.

«Упала?» хочу спросить, но вовремя прикусываю язык. Хочется огрызнуться! Но... Мозг рисует картинки, которые не порадуют мою нервную систему. Одним словом не стоит. Юлька нависает прямо надо мной, как скала, специально прессингуя меня! Раздражает! Но ругаться сегодня я не намерена.

Медленно встаю с кровати и смотрю в зло суженные глаза человека, который всё про всех знает. Юлия – ещё одна целеустремлённая и больно ужаленная особа. Надо заметить, что общение с ней сегодня в мои планы не входило, так как особой симпатии к человеку, который идёт по головам, не испытываю. Она уходит от нас, совсем скоро, через месяц, именно тогда, когда будут подписаны документы на квартиру. А сейчас мы обязаны её терпеть.

Она явно станет женой какого-нибудь богатенького жирдяя... Возможно, нужно было ей позавидовать, но я лишь злорадствую в душе, каждый раз говоря: «Таким шлюхам, как ты, только два пути, либо на панель, либо в кровать пузатика. А, как известно, все пузатики снимают проституток. Так что замкнутый круг!»

– Это очередная шутка? Если так, то катись ты боком, – зло выпаливаю я, при этом забывая прикусить язык ...

– Что? – радужки глаз моего оппонента загорелись красным, девушка делает шаг ко мне. – Шутка – это головой в унитаз, а насчёт родителей не шутят. Так что пошла вон, пока я добрая.

Сука...

Я суживаю глаза. Сзади меня тихо подхихикивает Ритка – прихвостня Юльки. Ещё одна пешка, нулёвая и невзрачная пешка. Ненавижу их. Две сучки.

Она сейчас наглядно продемонстрировала то, как можно опустить человека ниже плинтуса, не используя рук. Юля на голову выше меня и сильнее физически, поэтому тягаться с ней бесполезно, легче проглотить обиду, а точнее отложить на потом. Быть подопытным кроликом не хотелось, но видимо выбора у меня особого не было. Балом правят сильные мира сего... Факт!

Под словесные тычки выхожу из общей комнаты. Поправляю на себе задранную майку с смешным изображением медведя. Отдёргиваю нервным движением и так идеально сидящие простые чёрные шорты из обычного хлопка.

Очень медленно и нехотя иду, словно на расстрел. Я уже слишком взрослая, чтобы чувствовать колкий трепет или предвкушение перед людьми, которые хотят меня удочерить. Сейчас мне кажется, что это просто издёвка... Не бывает чудес, тут в этом месте перестаёшь верить в них. И сейчас я не верю. Юлька просто издевается. Изошрённо издевается.

Овца!

Но мозг... он цепляется за слово «удочерить» и начинает раскручивать ситуацию.

В голове возникает вопрос, а не извращенцы ли они или того хуже работорговцы? Меня передёргивает от подобной мысли. Становится жутко, в голове проносятся отрывки из телепередач, статьи газет, рассказы «домашних». Пытаюсь успокоить своё воображение тем, что представляю себе пожилую пару, которая просто ищет себе сиделку. Конечно, я осознаю факт того, что если ты младше, то и возможность попасть в семью возрастает. Но я-то уже давно не ребёнок!

Бред...

Бре-е-е-ед!

Да нет! Всё проще! Мне видимо ещё раз хотят напомнить, что и мне скоро нужно «плыть» самой. А Юлька – дрянь, решила поиграть на самом святом.

Тогда я ещё не знала, что надолго запомню это августовское утро. А пока понуро иду по светло-зелёному коридору попутно обходя бегающих малышей.

Отрываю глаза от пола и вижу, как мне навстречу идёт Женя. Своей лучезарной улыбкой он словно озаряет всё вокруг и кажется, что тебе навстречу идёт вполне адекватный парень, а не исчадие ада! Не говоря ни слова, он ухмыляется и, обойдя меня, отвечает звонкий шлепок по и так исхудавшей филейной части.

Шока не испытала, так как от этого человека можно ожидать всего чего угодно. Да, бесспорно это унижительно и к тому же больно. Место шлепка начинает молниеносно саднить и гореть.

– Совсем охамел? – Зло шиплю я.

– Ещё нет, – Парень вальяжно положил мне руку на плечо в подобие объятий. – Но если ты хочешь, – внезапно он проводит костяшками пальцев по моей скуле, и мне становится, более чем, понятен его жест. На секунду я представляю, какие у него могут крутиться мысли в голове, и мне становится противно.

Озабоченный придурок!

– Иди к чёрту! – с этими словами скидываю несоизмеримую с моим весом ношу и, гордо вскинув подбородок, продолжаю шествие по направлению к кабинету директора.

Достали! Все и каждый!

Фирсанов что-то вроде звезды нашего мирка. Накаченный, сильный, хамоватый и совершенно беспринципный парень! Совершенно не мой тип, хотя обладает весьма миловидным лицом, но даже это факт не прельщает меня на общение с ним. Он ужасно относится к своим пассиям.

В прошлом году именно из-за него разгорелся нешуточный скандал. Он... а точнее они устроили оргию в нашем туалете. Два года назад отстроили новый, но и старый ещё не закрыли. В общем говоря в самый пик веселья чёрт дёрнул воспитателя пройти по этому крылу и именно

Анна Романовна их и обнаружила. И всё бы ничего, если бы не интересный факт, в данном собрании из наших был только Женька, все остальные домашние и достаточно приличных возрастов. Как они туда попали и чем закончилось дело Женя не колется.

Пока размышляла ноги привели меня к тёмно-коричневой двери, она когда-то наводила на меня страх и ужас, сейчас нет. Сейчас уже сама взрослая и какая-то там «тётя» в грозно надвинутых очках на переносицу меня не пугает.

Пуганая уже.

Закрываю глаза, для того, чтобы, открыв их, придать своему лицу хоть каплю радости. Нельзя заходить в её кабинет с «кислой миной». Почему? Да потому что это Её раздражает.

Скрипнувшая дверь радушно распахнулась, впуская во внутрь. Не хочу идти. Мне претит мысль, что меня будут поучать, наставлять и тому подобное. Намекать на скорый «отъезд». А ведь так оно сейчас и будет!

Развернулась бы и ушла! Куда?! Да куда глаза глядят, главное чтобы не сюда. Иду туда только потому, что скоро стану свободной и вопрос выбора передо мной не встанет. Хочу быть свободной без обязательств перед людьми «отвечающими» за меня. ХА! Я сама за себя отвечаю!

Страшно и в то же время безумно хочется скинуть груз! И не видеть эти вечно недовольные нашим поведением лица!

А все они просто боятся за свои шкуры. На нас им плевать! Что греха таить... нам тоже.

Вдох... быстрый, резкий и выдох... плавный и медленный.

Даже не постучала. Что ж... пусть будет внутренним бунтарством.

Сати Всеволодовна смотрит оценивающе – строго. Взгляд холодных изумрудных глаз заставляет поёжиться. ОПЯТЬ! У этой женщины ужасный характер! И в связи с тем, что она обладает властью, мы все терпим репрессии с улыбками на лице. Сказать слово против нельзя, стоять прямо и вежливо улыбаться – это да...

«Так что стою и улыбаюсь» – проносится в моей голове за долю секунды до того, как меня стискивают в объятиях с диким писком, точнее воплем:

– Девочка моя! Доченька.

Вздрагиваю как от удара.

Запоздало понимаю, что меня обнимает женщина! Гораздо ниже меня. Стискивает так, что дышать нечем. Я так и застываю с немым изумлением на лице. До одури цветочный запах духов обволакивает ноздри, вынуждая задержать дыхание. Под тяжёлым взглядом директора продолжаю стоять и даже не двигаться. Именно поэтому иначе бы я высвободилась.

Вдоволь наобнимавшись неизвестная мне особа, отрывается от меня, и её карие глаза встречаются с моими.

Молчу. В оцепенении смотря на неизвестную, но как выяснилось весьма приткную даму. И это действительно была дама к пятидесяти годам не меньше. Первое что бросилось в глаза помимо собственно глаз женщины так это одежда, явно дорогая. Ещё один мой взгляд на директора получаю жёсткий в ответ и понимаю, что лучше продолжить молчать.

Проходят несколько тяжёлых секунд, особа улыбается, а в её глазах восхищение, смешанное с нервным тиком. Жгучая смесь, должна заметить, но для сарказма сейчас не место, потому что меня всё ещё держат в объятиях. А мало ли какая реакция будет у нее, если я заговорю?

Заговаривает она...

– Лизонька, – слышу приторно сладкий голос директрисы, становится неуютно в квадрате, – познакомься, это Мирослава Игоревна и Александр Григорьевич. – Я даже не успеваю возмутиться на тему того, что меня называют чужим именем.

Перевожу взгляд на мужчину, который спокойно сидит напротив директора, и вижу спокойствие в глазах, это немного утихомиривает. Женщина всё ещё меня не отпускает и, услышав фразу директора смотря мне в глаза, произносит:

– Что за бред, зачем ВЫ нас знакомите? Это же моя Лиза! Лизонька, я так скучала. Девочка моя! – И меня вновь сжимают в объятиях, словно в тисках.

БРЕД! ЧТО ЗА БРЕД?!

У меня явный шок, в панике бросаю ещё один взгляд на директора. Сати Всеволодовна смотрит на меня так, словно хочет сказать: «только пискни», и я продолжаю молчать. Шок очень сильный, так что я едва ли смогла бы сказать что-то вразумительное. Выражение на худощавом лице женщины всё ещё не меняется. Внезапно для всё той же меня, меня начинаю целовать: в нос, щёку, макушку.

Вдоволь наигравшись с моим безвольным телом, невменяемая особа отрывает от меня.

– Сашенька! Почему ты стоишь? Подойди, это же Лизонька! – и более гневно добавляет. – Ты что не хочешь общаться с нашей дочерью?

Что происходит?

Причём тут Лиза? Я не Лиза! И кто эти люди? Почему меня обнимают?

Юлька не соврала?!

Пока внутренние метания сжигают изнутри всё вокруг живёт своей жизнь, как бы со мной и как бы без меня!

Мужчина покорно встаёт, подходит к обнимающимся, нам, точнее, обнимают меня, так как захват таков, что я даже руки в локте согнуть не могу. После того, как меня соизволили отпустить, мужчина спокойно целует меня в лоб и произносит:

– Здравствуй, милая.

А я стою. С широко распахнутыми глазами смотрю на незнакомца. Где-то там Сати Всеволодовна весьма выразительно кашляет в кулак.

Проходит секунда, потом ещё одна.

– Добрый день, – лепечу я.

– Бедная моя девочка, – женщина переводит взгляд на мужа. – Сашенька. Говорила же я тебе, что твои репрессии с учёбой в закрытом пансионате ни к чему хорошему не приведут! Смотри, что они сделали с нашей доченькой! – и сокрушительно добавляет. – Мишенька точно её не узнает!

Я едва не падаю в обморок как кисельная барышня в романах которые читают наши «смотрительницы».

Следя за их разговором, видимо обо мне, потому что женщина постоянно косится на меня и постоянно пытается поцеловать, я невольно задумываюсь, а может быть это мои настоящие родители? Но всё сразу отметаю, когда слышу о пансионате. Остаётся открытым вопрос: я одна не понимаю, что приходит? Пока я раскладывала всё увиденное и услышанное по полочкам в своём сознании, мужчина спокойно, как и прежде произносит.

– Милая, тебе не кажется, что тебе пора отдохнуть? Всё-таки перелёт был тяжёлым?

Женщина до этого гладившая меня ласково по макушке замерла, и я тоже дышала через раз.

Чётко осознала несколько вещей! Первая – дама не в себе! Вторая – меня с кем-то путают! А ещё пора бы уже сказать «второе» вслух! Открываю и сразу же закрываю рот, всё под тем же тяжёлым взглядом! Что б её!

– Что ты такое говоришь? Я не видела дочь в живую уже практически десять лет! – возмущённо взвизгивает женщина.

Голова пошла кругом. Какие десять лет? Я живу тут с младенчества и, причём здесь вообще я. Бросаю украдкой взгляд на Сати Всеволодовну и вижу, как она еле заметно прикла-

дывает палец к губам. Страшно оттого, что я даже не могу ничего сказать, просто безвольно молчу, молчу потому, что мне запретили.

И это бесит и пугает одновременно. Спектакль продолжает затягиваться как удавка на шее.

– Допустим, не десять, а семь, – и мужчина говорит так ласково, что и мне самой хочется повиноваться его голосу. – Родная моя, у нас с Лизой сейчас будет долгая и душещипательная процедура, – он замолкает. – Помнишь, я говорил тебе, это же всё конфиденциально.

Боже... Меня, что на органы разделают? Паника захлёстывает волной.

– Ах, да все ваши штучки дрючки с подпольным обучением! – вспыхивает женщина и вмиг становится агрессивной. – Но, всё же, ты прав, – мягко и нежно произносит женщина.

Контраст.

Мои руки холодеют, и я теряю нить реальности. Меня как будто вновь толкнули в сугроб в одних шортах! Тогда я отморозила себе мизинец на ноге, который до сих пор не могу восстановить, да и не удастся, ноготь там не растёт и не вырастет уже!

От такого перепада настроения мужчина даже не поёжился, а вот я дрожала как осиновый лист. Да, за свою недолгую жизнь я видела многое, от вопиющих фактов несправедливости до благородных жестов, но чтобы так, никогда! Вся воинственность растаяла!

– Тебе холодно? – сразу же отзывается неадекватная женщина, а я безмолвно качаю головой в знак отрицания. – Почему ты молчишь? – практически рык и взволнованное мужу: – Что с моей девочкой, Сашенька?

И я во все глаза смотрю на высокого статного мужчину уже достаточно преклонного возраста, из всех троих он мне кажется самым адекватным. Насчёт директора вообще молчу! Точнее не так, её молчание убивает, меня и вот эти глубоко посаженные карие глаза с каким-то нездоровым блеском.

– Я же говорил тебе. Нашей дочери пришлось удалить гланды, ты же знаешь какая она у нас хрупкая. Просто анестезия уже сошла, и говорить неприятно. Дорогая, ты должна это понимать.

«Что?»

Ещё раз прямо смотрю в даму... так вот мы не похожи ни разу! И мужчина этот статный и в какой-то мере грозный, мы тоже не похожи! Точно не родственники.

– Да, да, да, – затараторила она.

– Ну, вот видишь. – Между тем продолжает он. – Всё-таки ты не запомнила, я так и знал.

Испуганными глазами смотрю на мужчину, а он спокойно протягивает мне руку и я уже оказываюсь в объятиях другого незнакомого мне человека. Второй раз за день! Данный жест вызвал ещё одну бурю эмоций. Женщина, выдала умилительную улыбку и, подойдя вплотную, обняла нас обоих. Я практически задышалась от таких «любезностей».

Мне хотелось вырваться, убежать куда подальше... Дочь? О какой дочери они говорят? И о моих гландах? Откуда они знают о моих гландах?! Их к слову удалили лет десять назад.

Мозг продолжал дружелюбно подрисовывать картинки в голове. И каждая последующая была в разы хуже предыдущей. Они все вообще здоровы? Многое хочу сказать, но молчу уже по причине зажигающегося интереса. Что будет дальше? Меня признают властительницей мира?

Внезапно, женщина, обнимающая нас слегка покачнулась. И я сразу же посмотрела на неё... она однозначно не здорова, какая-то слишком бледная.

– Сашенька, я, пожалуй, пойду, – и уже мне, – девочка моя, мы с тобой обязательно посекретничаем. Я так скучала.

Я пытаюсь изобразить подобие улыбки, после чего меня одаривают уже настоящей, и женщина выходит в коридор. Меня сразу же отпускают, и я слышу безапелляционное:

– Сядь, – директор жестом указывает на свободное кресло.

На ватных ногах иду к своему посадочному месту и практически плюхаюсь на него, словно мешок.

Меня трясёт!

Солнышко ласково начинает греть кожу, но это не те ощущения, которые я сейчас бы хотела испытывать. Почему-то, я сейчас не чувствую полноту жизни... Словно частичка чего-то важного прошла мимо меня, даже не посветив в детали. И гадко и мерзко и ощущение «не моё» разъедает сознание.

И тут ещё один «удар». Подстава! Самая натуральная подстава со стороны человека, который хоть как-то мог меня защитить!

– Александр Григорьевич, я, пожалуй, вас оставлю наедине.

Ловя мой испуганный взгляд директор никак не реагирует.

Мужчина кивает, и Сати Всеволодовна исчезает за дверью, оставив за собой шлейф из приятного аромата. Да будь прокляты её дорогие духи! Ненавижу их тошнотворный запах. Что происходит в конце концов?! Они что решили удочерить меня?

Искоса смотрю на мужчину, который несколько минут назад, словно отец чмокнул меня в лоб, и понимаю, что имею дело с состоятельным человеком. К сожалению, я не разбираюсь в моде так же хорошо, как и остальные девушки из моей комнаты. Но что-то понять всё же смогла. Этот лоск, выправка как у военного, взгляд немного надменный и усталый от жизни. Конечно же, одежда, очень дорогая, по крайней мере, мне так кажется. Немного резкий запах мужского одеколona, но он ничуть не портит весь образ. Мужчина напротив меня выглядит примерно на пятьдесят лет, хотя женщина мне показалась гораздо моложе, но это не меняет дело.

– Настя, – спокойно говорит мужчина. – Я понимаю, что сейчас ты испытываешь шок.

Шок, это совсем не то что я испытываю... Я испытываю дикое, практически животное чувство страха. Ощущение такие, что мое тело сейчас подвержено одному инстинкту, инстинкту самосохранения, и не о каком разуме и речи быть не может.

– Для того, чтобы тебе было легче, я тебе объясню, – мужчина смотрит на меня спокойно, но тёмно карие глаза пронизывают словно до костей. – Одиннадцать лет назад мы потеряли нашу дочь. – Он замолкает, а по лицу пробежала судорога. И я понимаю, что говорить об этом сложно. – Был пожар, и я не смог ничего сделать, она умерла от многочисленных ожогов, – ещё одна пауза – У моей жены произошёл нервный срыв, она стала бредить и по ночам в истерическом припадке звать Лизу... – внезапно он улыбнулся, и его лицо словно озарило светом. – Это был долгожданный ребёнок, Мирослава очень долго не могла забеременеть... последствия аварии мешали... Да у нас, конечно, есть сын, но она так хотела дочь, – и он снова поник. – Настя, она больна, но не опасна...

Я знала!

Я чёрт побери знала, что она не нормальная! И он тоже ненормальный! И вся эта ситуация тоже не нормальная! И ещё больше меня пугает то, что я не понимаю, что хотят от меня эти в высшей степени ненормальные люди!

– Причём здесь я? – Вырывается не в пример грубо, но я не собираюсь извиняться.

Устало улыбнувшись, мужчина откинулся на кресле и продолжил:

– Всё очень просто. После трёх с половиной лет в больнице, я понял, что если не вытащу её оттуда сейчас, то потеряю навсегда. Тогда я нашёл оправдание тому, что мы не видим нашу дочь, придумал пансионат. Она, конечно, увидела надпись, которая гласила, что это детский дом, но и это я объяснил, сказал, что этот пансионат не для всех, и поэтому есть момент конспирации. Так вот я нашёл похожую девочку, это оказалась ты. Что-то похожее всё-таки есть. Ты росла, мы не вмешивались в твою жизнь, я просто показывал видео, фотографии, она верила... ты знаешь... это был идеальный вариант. Всех всё устраивало.

По коже прошёл холодок. Фотографии видимо были мои и видео про меня! Кто-то всё время за мной наблюдал... а я даже не знала. Ситуация напоминает голливудский ужастик. Неужели всю мою сознательную жизнь я была под их наблюдением?

– Что вы хотите от меня? И почему пришли именно сейчас? Что происходит? Вы можете объяснить?!

Тяжелый вздох и спокойное:

– У Мирославы полгода назад случился рецидив, я не смог иначе. Я понимаю, что всё это сейчас для тебя словно снежный ком на голову, но прости уж, выбора у тебя нет. И как бы это жестоко сейчас не звучало, я просто не дам тебе его сделать. С Мирой мы очень давно, пережили так много и даже сейчас, когда я понимаю, что она больна, я не могу иначе. Надеюсь, что ты поймёшь меня потом.

Мужчина говорил очень уверенно, ставил меня перед фактом, хорошо поставленным голосом! А меня резало ножом каждое сказанное слово.

– Вы не ответили на вопрос... – голос дрогнул

– Ты будешь жить с нами, называть Мирославу Игоревну – мамой, меня отцом и делать вид, что ты наша дочь.

БРЕД!

Удержала себя на месте усилием воли, ибо мне хотелось подпрыгнуть и бежать из этого дома душевно больных!

– То есть, всё только для того, чтобы ваша жена была счастлива?

Мужчина улыбнулся и снисходительно кивнул.

Мысли о том, что они работоторговцы всё больше и больше кажется мне правдивой. Хорошо, если мыслить логически, то я могу поверить в то, что теоретически такое может быть... но насколько же всё нереально.

Дальнейший разговор пошёл совершенно в другом русле. Помимо условий, который чудным образом свалились на мою голову, меня же и решили пожалеть...

– Именно, но и ты тоже в плюсе. Я дам тебе образование, ты будешь разговаривать на нескольких языках, носить хорошую одежду, потом выйдешь замуж и нарожаешь на радость новоиспечённым родителям внуков. Не думай что покупаю тебя, просто хочу чтобы ты понимала всё.

Когда-то очень давно я мечтать боялась об этом... а сейчас... сейчас это всё кошунственным образом практически у меня в руках. Хотя... о чём я! Они же больные! И где наш директор?!

Взгляд сам метнулся к двери, но мужчина, перехвативший его улыбнулся, устало и грустно, а мне стало совестно, он понял, что я подумала. Не смотря на ситуацию мне меньше всего хочется обижать его... не знаю почему, сложно объяснить.

– А...

Не успеваю вымолвить и слова, как мужчина резким движением вытаскивает из портмоне какую-то папку и протягивает мне её таким образом, что я просто не могу отказаться её принять.

Руки пробивает мелкая дрожь. Опасаюсь брать, но беру всё равно.

– Вот это тебе понадобится. Тут все, что бы должна изучить, и да, у тебя всего несколько часов, потом мы улетаем в Москву. – Секунда на размышления, а после быстро и чётко. – Ты поменяешь имя, фамилию и отчество. Сама понимаешь для чего.

Понимаю.

Молча, смотря на чёрную папочку. По спине то и дело пробегает холодок, а мысли настолько спутаны, что становится тяжело дышать. Я начинаю задыхаться от подступившего комка к горлу. Мужчина поднимает моё лицо за подбородок и проникновенно сморит в глаза.

Слезинка предательски соскользнула с ресниц, за ней ещё одна... Даже не заметила как он поднялся, как преодолел несколько разделяющих нас шагов.

Слёзы уже потоком. Мне страшно! Я не хочу во всём этом участвовать. Бредовость ситуации зашкаливает! Да такого просто не происходит с людьми!

Внезапно мужчина улыбнулся и ласково сказал.

– Настя, пойми. Ты не должна нас бояться. Тебе понравится жить в нашем доме, ты завёдешь себе друзей, будешь ходить в элитную школу, забудешь весь ужас детского дома. Поверь мне, я понимаю, о чём говорю, мой отец с младенчества жил в детском доме, и поэтому я знаю более чем достаточно о перипетиях в подобном месте. Я знаю, что ты сильная девочка, даже исходя из того, что не расплакалась сразу же.

– Я не хочу, жить с вами, выберите другую девушку... – слезы полились градом, и я закрыла лицо руками.

Оглушающая тишина заполнила помещение. Мужчина молчал, а я тихо предавалась страданиям, толком не зная, что будет завтра. Мне стало себя жалко, жалко, что я должна принести себя в жертву ради той ненормальной женщины. Да почему я?! За что?! Куда смотрит директор! Меня что продали!?

– Я не хотел... она стала забывать и даже не спрашивала о тебе, если бы не рецидив, то мы бы не пришли. Настя, не бойся, с этого дня твоя настоящая жизнь будет казаться тебе одним плохим сном. Мирослава очень любит тебя, она готова сделать всё для того, чтобы её дети были счастливы.

Злость! Даже не так! ЯРОСТЬ!

– Она больна! – мой голос срывается на крик, и, осознав это, я замолкаю.

– Да! Но с этим я ничего не могу поделать. В нашем доме есть специализированная комната для медперсонала, жена думает, что это не врачи, а уборщики. Всё будет хорошо, главное не бойся.

Секунда и он отошёл на один шаг, перестал нависать надо мной удушая присутствием.

Минуты, а может быть и часы, не знаю, сколько прошло времени. Я просто сидела и считала гулкие стуки своего взволнованного сердца. Кончики пальцев немели, страх стал перерастать в панику...

– Сегодня поздно вечером мы вылетаем в Москву, я приеду за тобой в пять.

С этими словами дверь в кабинет закрылась, и я осталась одна, Солнце мне уже не казалось настолько радужным, птички не пели на ветках, даже интерьер в кабинете стал похож на врата в преисподнюю.

Бред! Вновь и вновь повторяю я про себя. Страшась сказать это вслух. Почему? Не знаю.

Вспотевшие ладошки всё ещё сжимали ненавистную папку. На секунду меня посетила ярость. Хотелось рвать и метать, кричать, бежать! Да всё что угодно, лишь бы не повиноваться... Сухая реальность окатила новым ведром с ледяной водой. Я всё ещё никто, и мнение моё не спрашивали, меня уже отдали... Как странно, что он мне не пригрозил, ведь я могу не подчиниться, видимо этот вопрос даже не рассматривался.

У меня нет будущего, возможно я останусь в этом захолустье и выйду замуж за какого-нибудь парня, чья мать непременно будет недовольна тем фактом, что я никто, и за душой моей ничего нет, и я, чтобы доказать обратное, буду работать день и ночь. Никто не знает, что будет дальше, чтобы было бы, если они не пришли за мной.

Сколько лет я мечтала вырваться отсюда, сколько ночей смотрела на небо и в каждой видела добрые лица своих будущих родителей, которые возможно завтра придут за мной. Сколько раз?! Беспредельно много... И сейчас когда мне осталось совсем немного до совершеннолетия они вдруг появились, появились с нереальной для понимания просьбой. Хотя нет... не просьбой, скорее фактом.

И никому не интересно, что по этому поводу думаю я. Никому! Ни воспитателям, ни директору, ни даже им.

Можно было бы, наверное, бежать сломя голову в полицию с криками, можно было бы... но я сидела... и чего-то продолжала ждать. Возможно, я ждала, что из-за двери выглянет директор и с присущей ей ехидной ухмылкой скажет: «Вставай, мы просто пошутили».

Никого не было, никто не открыл дверь и ничего не сказал...

Я бы так и сидела, сжимая толстую чёрную папку в мокрых и холодных ладошках. Кровь в буквально смысле слова отхлынула от всех моих конечностях, я держала «пластик» на автомате. Просто потому, что нужно было, удержат её на месте, так, чтобы было. И только ненавистная папка кричала о том, что сейчас произошло. Я застыла, просто уснула с открытыми глазами, превратилась в восковую куклу. Апатия – ужасно чувство омертвления всех клеток в организме и этот процесс практически необратим...

Кто-то властно открыл дверь, и я услышала, как шпильки уверенно отчеканивают ритм по паркету. Конечно же, это была она – гроза и повелительница нашей преисподней. А я стою на последней ступеньке перед пылающими воротами ада и даже боюсь оглядываться на закрывшиеся створки рая. Перекрыли кислород, вот так просто взяли и перекрыли... Я знала, что мир жесток и в любую минуту может случиться всё что угодно, но никогда даже не предполагала, что это произойдёт именно со мной. Всё это больше похоже на идиотский сценарий дешевого бразильского сериала! А я получила главную роль, причём отказаться от неё уже невозможно! Есть даже песня «Невозможное возможно», но, кажется это не про меня!

Сати Всеволодовна села на своё место и устало посмотрела на меня, а мне вдруг хотелось крикнуть «Я не хочу!», но я в немом ужасе молчала...

– Настя... – устало произнесла женщина. – Я тебя понимаю, ты ничего не знала и это для твоего понимания очень сложно. Но понять все, же необходимо! – прозвучало как приговор.

Не хочу ничего понимать! Не хочу ничего читать, не хочу ничего знать. В одно мгновение перед моими глазами выросла стенка. Это как кокон, в который я с желанием забралась и старалась отсидеться, но под жестким взглядом директора стена предательски разваливалась по кирпичикам. Я словно голая оказалась перед толпой, а впереди меня плаха! Страшно и почему-то жутко неприятно, но самое интересное, что ни грамма не стыдно!

Толпа беснуется и ждёт моей смерти. Так, чтобы было много крови, и я непременно молила о пощаде!

– Пойми, что сейчас только от тебя зависит твоё будущее. – И прочитав мои мысли, Сати Всеволодовна сказала простую истину. – Ты сейчас можешь закрыться в себе и отторгать реальность, но это неверный путь. – Она смотрела внимательно, даже пронизывающе. – Ты не глупая девочка! Они все тут без перспектив... ты должна это понимать. А у тебя они будут! Не дури и послушай меня, ты должна сделать так как они тебя просят. Должна в первую очередь для себя самой. – Не видя от меня реакции Сати Всеволодовна жёстко сказала. – Да это просто подарок, разве ты не понимаешь этого глупая девчонка?!

Хотелось бы в это верить... Но разве «не глупая девочка» попадёт в такую историю? Хотя, от меня тут ничего не зависело, я же не виновата, что отдалённо похожа на ту девочку, которая умерла много лет назад. Цвет волос и глаз это всё что нас связывает, но я каким-то образом должна прожить её жизнь. Звучит невыносимо глупо и до ужаса неприятно... Констатация этого факта бьет по моим нервам с удвоенной силой. В какой-то момент мне кажется, что я не выдержу и расплачусь. Просто для того чтобы через слёзы вышло всё это! Испарилось, улетучилось, исчезло!

– Вы же всё знали! – выпаливаю я прежде, чем начинаю думать о то, что не стоило этого говорить, да ещё в подобном тоне.

Что вдруг на меня нашло? Почему я стала «кусаться», прямо говоря, наш директор мне никогда не нравилась, но я не позволяла себе подобного тона даже в мыслях! Мне всегда казалось, что я живу по принципу: «Хочешь, чтобы к тебе относились хорошо, отнесись сама!». Может быть это не верно, но я предпринимала попытки возлюбить ближнего своего и иногда это получалось. Но не сейчас, я видела врага, практически чёрта, который впихивает меня в котёл из варящихся душ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.